
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Борис Кобринский
(г. Москва)

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕВОЛЮЦИИ:
ПРИЗЫВЫ И ПРОРОЧЕСТВА**
(К 92-й годовщине Великой Октябрьской
Социалистической революции)

Борис Аркадьевич Кобринский родился в 1944 г. в Москве. Образование получил во 2-м Московском медицинском институте и Московском институте радиотехники, электроники и автоматики. Автор более 400 научных работ, в том числе 9 книг. Член редакционных коллегий ряда отечественных и зарубежных научных журналов. В течение ряда лет совмещает литературную работу и научную деятельность, является руководителем Медицинского центра новых информационных технологий Московского института педиатрии и детской хирургии. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации. Один из ведущих специалистов в области медицинской кибернетики и информатики.

Ранее публиковались отрывки из воспоминаний в различных изданиях.

*Как рыбы попадают в пагубную сеть,
и как птицы запутываются в силках,
так сыны человеческие
уловляются в бедственное время...*

Екклезиаст

ВЛАСТЬ СЛОВА

*Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую Поэта...*

Е. Баратынский

Власти слова посвящено одноименное стихотворение Николая Гумилева:

*В оный миг, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Словом останавливали воды,
Словом разрушали города.*

И в перекличке с ним у Анны Ахматовой:

*...в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.*

Человека можно подтолкнуть к различным действиям, зачастую разрушительным не только для окружающих, но и для общества, даже цивилизации. И при этом возможны ссылки как на Творца, так и на политических деятелей совершенно разного толка — от Маркса до Бен Ладена. Недаром Пастернак вложил в уста Сен-Жюста следующую метафору:

*Как людям втолковать, что человек
Дамоклов меч Творца...*

Дамоклов меч, характеризующий призрачность безопасности и благополучия, может в любой момент изменить жизнь и представления человека. В тоже время, готовность людей к определенным действиям требует не только предварительного осмысления ситуации, но немалую роль здесь играет эмоция, способствующая усилению позитивной или негативной реакции человека. Поэт Михаил Кузмин видел сущность искусства в том, чтобы «производить единственное, неповторимое эмоциональное действие через передачу в единственной неповторимой форме единственного неповторимого эмоционального восприятия». Чем гениальнее литературное произведение, в особенности поэтическое, тем более мощный эмоциональный заряд получает читатель или слушатель. Сюжет, подтекст и возникающие эмоции, вызывая определенный отклик в душе человека, могут способствовать формированию соответствующего отношения к мятежу, революции, изменению общественного строя. Александр Блок рассматривал искусство как голос стихий и стихийную силу, видя в этом «его единственное назначение, его смысл и цель».

Предвидения нашли отражение у многих поэтов в разное время, но в особенности в России с ее нередко самобытным отношением к слову как к проповеди. Поэтическое слово несомненно оказало влияние на формирование взглядов и социальной позиции интеллигенции, что способствовало поддержке ею революционеров всех направлений.

Метафоричность, характерная для поэзии, обладает умножающим эффектом на сознание человека. И более выраженное воздействие оказывают наиболее революционные призывы, обещание быстрого решения вопросов общественного мироустройства.

Поэтические тексты отражают нечто духовное, недаром философ Петр Успенский обращает внимание на наличие потенциальной энергии в стихотворениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. По его мнению «эта энергия действует не только на чувства людей, но самим своим существованием действует на их волю». Это проистекает из углубления поэзии в суть явлений. Для символистов, по представлению Вяч. Иванова, «слово, само по себе, уже энергия», а символ — это «ознаменование или указание».

Объяснение роли слова предлагает один из видных философов XX века Николай Бердяев, обращая внимание, что «мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве... Мы принимаем слова на веру... А в общественной жизни условная, но ставшая привычной фразеология приобретает иногда власть почти абсолютную... За словами идут массы». В связи с этим можно вспомнить Федора Сологуба:

*Все ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.*

А поэт Александр Блок в одной из статей замечает, что «нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас».

Стефан Цвейг писал, что «перед великими революциями и катастрофами всегда летают буревестники духа». В России ими традиционно являлись поэты. Осип Мандельштам считал, что «поэт связан только с провиденциальным собеседником», а Максимилиан Волошин предполагал, что «пророчествуя о будущем, они сами не знают, что пророчествуют, потому что души их подобны раковинам...» Об этом же говорится и в стихотворении Сергея Есенина «Поэт»:

*Не поэт, кто слов пророка
Не желает заучить.*

Литература и в особенности поэзия, воздействуя на эмоциональную сферу и через нее на сознание людей, могут выступать как движущий фактор в истории человечества. Человека, как существо эмоциональное, можно «загипнотизировать» словами, поэтическими образами. Это и происходило в начале XX века в России, замороженной идеей всеобщего счастья.

Но поэты, славя и призывая свободу, надеются, что ее приход будет своего рода восходом солнца и уж никак не предполагают, что этот день послужит началом кровавой бойни. Именно поэтому так приветствовали в России февральскую революцию, которую называли бескровной.

Как писала в статье «Поэт и Время» Марина Цветаева: «Тема Революции — заказ времени». Недаром писатели, и в первую очередь поэты — символисты и футуристы,— способствовали этому вольно и невольно, под влиянием сложившейся тогда в обществе и стране обстановки.

Поэзия, включающая революционные мотивы, независимо от замыслов авторов, смещала общественное мнение влево, обеспечивала поддержку революционерам как борцам с тиранией. Восприятие слов поэтов как руководства к действиям способствовало расширению базиса будущей революции в различных слоях общества, особенно молодежи.

ДУХ РАЗРУШЕНИЯ

*Дракон явил свое чело,—
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволкло*

Вл. Соловьев

Стремление к демократическим переменам в России носило у многих поэтов идеалистический характер, что не противоречило, а иногда даже способствовало излишней левизне их литературных манифестов, прозаических и особенно поэтических произведений. Валерий Брюсов, надеясь преобразовать внутренний мир человека, повернуть его лицом к свободе, обращается как бы к одному из братьев, сообщая ему, что он готовит миру «яд, где огонь запечатлен», и этот яд:

*Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! Я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.*

В этих и подобных стихах поэты, не будучи ультралевыми по своим убеждениям, вольно или невольно давали ответ на настроения общества не довольного существующей властью. Негативное восприятие окружающей действительности способствовало появлению стихотворений, призывающих к борьбе и мести. Симпатии к народолюбцам, имевшие довольно широкое распространение, впоследствии были перенесены на новых революционеров. Это вело к оправданию различных форм достиже-

ния цели — революционного преобразования мира. И как следствие — к изменению толерантности в отношении насилия, бунта, крови, гибели людей. И мы встречаем у Константина Бальмонта:

*Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний!*

Говоря об интеллигенции, Блок (в приводимом Горьким разговоре) утверждает, что «вызвав из тьмы дух разрушения, нечестно говорить: это сделано не нами, а вот теми. Большевизм — неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье ...».

О негативном заряде революции религиозный философ С. Н. Булгаков пишет, что она «характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение». А о тяжелых последствиях ненависти говорит проповедник Бранд в одноименной драме Г. Ибсена:

*Но в этом слове «ненависть» — зародыш
лежит борьбы великой, мировой!*

В России гимн разрушению еще в период неудач русско-японской войны, во время первой революции, поет далеко не самый революционный поэт Федор Сологуб:

*В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!*

Как мы знаем по опыту Франции, России и других стран, призыв к борьбе и теоретическое оправдание ненависти к определенным группам людей ведет к разгулу стихии, а затем к формированию идеологии и практики террора. И призывы к этому можно наблюдать у российских поэтов, принадлежащих к различным направлениям. Творчество поэтическое прокладывало дорогу к «творчеству» разрушения.

ОТМЩЕНИЕ И ЖЕРТВЫ

*...надвигались иные години
и несли иные вести*

А. Белый

В поэзии символистов на переломном этапе российской истории люди улавливали что-то сверхчеловеческое, призывающее к изменению мира. В поэзии Валерия Брюсова мы находим прославление действий взбунтовавшегося народа:

*...Славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи...*

Истоки этого российского демонизма (брюсовское «никому не сочувствуй», бальмонтовское «я хочу горящих зданий») в романтизме в байроновском и Оссиан-

новском вариантах, а также во влиянии Ницше с его романтизмом в отношении будущего «сверхчеловека»: «Развалины звезд — / Из этих развалин я мир построил».

Представления о построении идеального общества всегда ведут к необходимости жертвы, и не только личной, но и со стороны других людей. Проповедь ибсеновского Бранда, направленная на построение царства Божия на земле, нечто вроде примитивного коммунизма, требует от способствующих этому людей отказа от всего, включая жизнь:

*Но первые ряды своим паденьем
победу следующим доставляют.*

Как ни далеки как будто Бранд и Ленин, но объединяет их оправдание любых жертв во имя будущего. Л. Троцкий в своих воспоминаниях пишет, что «главную пружину ленинского духа» составляло «глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий». Как пишет философ и писатель Ф. Степун, «...чувством здешней бессмертности и объясняется... твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему...».

Отказ от сочувствия каждому отдельному человеку неизбежно ведет к аморализму, а именно марксизм, определяя свое отношение к пролетариату как ведущей революционной силе, отказывается от раннего народнического сострадания к его положению, ориентируясь на всемирную революцию, ради которой могут быть принесены любые жертвы на алтарь будущего всечеловеческого счастья. И в работе «Государство и революция» Ленин обращает внимание на слова Энгельса из письма Бебелю: «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления...». Результатом этого быстро сделалось подавление всех несогласных с идеей октябрьской революции, отторжение их, изгнание и уничтожение.

Попробуем рассмотреть роль поэзии в готовности человека к разрушению и возмездию. В оде А. С. Пушкина «Вольность» мы встречаемся с не меньшей жестокостью, чем в революционный период начала XX века. Чего стоят такие строки:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу!*

Ранее о том же писал А. Радищев и тоже в оде под названием «Вольность»:

*Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главою царя.*

Но Радищев не имел в виду бессудной мести, так как он далее, признавая Кромвеля злодеем, погубившим свободу, отмечает его заслугу, как человека казнившего короля судебным порядком: «Ты Карла на суде казнил».

В этой переключке поэтов, призывающих к мести, предвидящих гибель царского дома, участвует в 1907 году, за 10 лет до потрясшей мир Революции, Бальмонт, написавший стихотворение «Будто бы Романовым» с такими пророческими словами:

*Вам приготовлена плаха
.....
Ждите же царствия страха!*

Да, философы и поэты готовят почву, раскачивают ситуацию. Недаром и историк Карно обращает внимание, что в ироническом припеве народной французской песни говорится по поводу Великой французской революции: «Это вина Вольтера, это вина Руссо».

В сборнике «Вехи» С. Н. Булгаков писал о проблеме права «на жизнь и смерть других...» и оправдании отказа от уз морали ради идеи, что нашло отражение у Ф. М. Достоевского в «Бесах» и в «Легенде о Великом инквизиторе», дух которого он провидел в будущей социалистической революции. Отсутствие же сомнений мы встречаем в стихотворении Валерия Брюсова «Мы», написанном в 1899 году:

*Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,—
Мы — гребень встающей волны.*

И, как продолжение этого, Велимир Хлебников в 1908 году, описывая реакцию толпы на террористический акт, провидит: «Проснулось красное буймо».

Поэзия, призывающая стихию бунта, приходит в своей крайней точке к отказу от всех ценностей, включая величайшую из них — ценность человеческой жизни, в которой заключен целый мир.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И МЯТЕЖНОСТЬ

*Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя*

Ю. Левитанский

В соответствии с ситуацией в обществе, в поэзии можно отметить спиралевидную смену периодов революционного и эволюционного видения будущего мира. Противоположные взгляды могут наблюдаться у современников, а могут быть переключкой во времени, как «ответ» Тютчева на оду «Вольность» Пушкина:

*Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!*

В начале XX века революционными настроениями были охвачены многие поэты и писатели. Блок — автор «Стихов о Прекрасной Даме» — уже в 1906 году в стихотворении «Деве-революции» восклицает: «О, Дева, иду за тобой...». А в стихотворении 1907 года:

*Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!*

Так у Блока впервые объединяется понятие времени, судьбы России и революции. Он понимает, что негодование народа рано или поздно реализуется в разрушительной форме: «Зрелость гнева — есть мятеж» пишет он в стихотворении «В огне и холоде тревог ...».

В более мягкой форме революционный призыв представлен даже у такой отстраненной от левореволюционных настроений поэтессы как Зинаида Гippiус, которая, обращаясь к памяти декабристов, писала в 1909 году в стихотворении «14 декабря»:

*И вашими пойдем стопами,
И ваше будем пить вино...
О, если б начатое вами
Свершить нам было суждено!*

Если же мы обратимся к творчеству российского поэта XIX века И. С. Никитина, то тоже столкнемся с вопросом о светлом будущем:

*...Придет ли, наконец, пора,
Когда блеснут лучи рассвета?*

Но он далек от призывов к мятежу. В целом его творчество можно охарактеризовать словами Сергея Городецкого как «глубочайшая душевная тишина, которую должен был пропеть миру Никитин». Хотя в той же статье он пишет, что отрицание «грязной действительности» окружающей жизни привело поэта к тому, что «не стало места миру и тишине в никитинской песне, горе и злоба получили возможность родиться в ней». Но в поэзии Никитина не было момента мщенья.

С. Я. Надсон в 1878 году, в эпоху «Народной воли», обратившейся к террору, вспоминает о прежних временах хождения в народ в стихотворении «Во мгле»:

*Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свет прольем,
Когда цепей тяжелых бремя
Мы с мысли скованной сорвем;
Когда, как дивное сиянье,
Блеснет повсюду над землей
Свобода, честность, правда, знанье...*

Это надежда отринуть старое путем его насильственного отстранения, типа отречения от власти под действием слов, в определенной степени подкрепленных неиспользуемой, но наличествующей силой. Другими словами, путь «внутреннего развития, естественного прогресса» по Чаадаеву, включающий самосовершенствование, который только и может дать человеку счастье. Иначе неудовлетворенность достигнутым, разгул анархии, горящие библиотеки и прочее.

В литературе попытка в начале XX века вернуться от символических представлений к «норме», к романтико-реалистическому или лирико-романтическому направлению — к А. С. Пушкину, И. С. Никитину, А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому, — вызвала резкий отпор со стороны В. Я. Брюсова, который «обвинял» В. Ходасевича в тяготении к «пушкинизму» и «тютчевизму». Нормальное звучание человеческого голоса, переход от громовых раскатов романтико-символистского плана и одержимости великими идеями к частной жизни нашел свое отражение у очень разных по своему внутреннему ощущению, по выражению и по стилю поэтов — у Надсона, Гумилева, Мандельштама и других. Примером может служить стихотворение С. Я. Надсона «В тихой пристани»:

*Вот наш старый с колоннами серенький дом,
С красной крышей, с массивным балконом,
Темный сад на просторе разросся кругом
.....
Тихо шепчет струя про любовь и покой
И, во мраке звеня, замирает...*

Обращает внимание тот факт, что эта идиллическая картина создана в том же году, что и выше процитированное стихотворение «Во мгле». Призыв к обновлению жизни не обязательно должен сопровождаться требованием ее революционной перестройки, не противоречит любви к старой милой родине, что проявляется в форме или лирического, или философски-психологического романтизма.

В 1908 году у Андрея Белого в стихотворении «Русь» возникает безответный вопрос:

*В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?*

Попытка ответа в статье Осипа Мандельштама, посвященной памяти Блока: «Поэтическая культура возникает из стремления предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка, к которой в конце концов пришел Блок».

У Андрея Белого жизнь простых людей и жизнь сказочных персонажей, типа кентавров, представлена как привычное земное существование, как нормальный человеческий размер бытия. Эти образы, как и мандельштамовская «О, тихая моя свобода...», условно противостоят будущему классовому у Маяковского:

*Не наше счастье —
счастье вдвоем!
С классом
Спайся четко!*

Гражданская поэзия — это нормальный масштаб человека, обыкновенная жизнь, сочувствие к человеку («в мучительно-тесных громадах домов живут некрасивые бледные люди» у символиста Бальмонта).

Максим Горький кличет бурю («Пусть сильнее грянет буря»), но когда революция разразилась появились его «Несвоевременные мысли», где он заговорил о ценности человеческой жизни («Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью»), необходимости сохранения культурного потенциала нации. В этой связи вспоминаются слова петрашевца Д. Д. Ахшарумова, что «освобождение народа угнетенного требует большой осторожности; терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить». И сегодня нам понятно, что поэзия борьбы должна не забывать об общечеловеческих ценностях, среди которых первой является жизнь человека.

И как переключка с петрашевцем, Александр Блок, предчувствуя надвигающийся переворот, записывает 6 и 7 августа 1917 года в своем дневнике: «Грозный Лик Твой, такой как на древней иконе, теперь неумолим перед нами! ...И вот, задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки Разина и Емельки превратить в волевою музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напор огня, но организуют этот напор...». К сожалению это осталось лишь пожеланием великого поэта.

ПРОРИЦАНИЕ БЕДСТВИЙ

Дно всех бездн испытать в спусках...

Даниил Андреев

Пророчественность — основное свойство поэзии,— писал в 1917 году Максимилиан Волошин. В сложных периоды истории усиливаются эсхатологические ощущения конца света. В 1908 г. Александр Блок заносит в записную книжку: «...слышите ли вы задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины? Это Россия летит неведомо куда...». И, как бы продолжая этот разговор, призывает в стихотворении 1911 г. (новая редакция от 7 февраля 1914 г.):

*Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...*

И предчувствие Николая Клюева в 1916 году о будущем России включает предвидение драматических событий:

*...Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье взывающих гроз...*

*.....
Сметутся народы, иссякнут моря...*

Поэт предчувствует появление темных сил, поднимающихся и проявляющихся как следствие революционных изменений. В более мягкой форме мысль о приближении драматических событий прозвучала в опубликованной накануне февральской революции 1917 года поэме Гумилева «Гондла»:

*Наступили тяжелые годы,
Как утратили мы короля
И за призраком легкой свободы
Погналась неразумно земля.*

А Борис Пастернак в 1915 г. в стихотворении «Десятилетье Пресни» задается вопросом и одновременно предрекает:

*Тому грядущему, быть ему
Или не быть ему?
Но медных макбетовых ведьм в дыму —
Видимо-невидимо.*

Еще ранее, на исходе первой русской революции, в стихотворении «Медный всадник», написанном в 1906 году, Вячеслав Иванов устами Сивиллы предупреждает о грядущих бедствиях и гибели множества людей:

*Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта.*

Эти слова перекликаются с предвидением лермонтовского «Предсказания» 1830 года:

*Настанет год — России черный год —
Когда царей корона упадет,
.....
Когда детей, когда невинных жсен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел...*

И уже в другом столетии, Блок в стихотворении «Голос из хора», которое он писал в межреволюционный период 1910 — 1914 годов, пророчески-трагически, как бы от имени всех, выстраданно говорит:

*О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней.*

И в этот же период (1913 г.) в очерке «Пламень» он пишет: «Есть Россия, которая вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть более страшной». Предупреждение о будущей опасности для мира и в блоковском цикле «На поле Куликовом», написанном за девять лет до октябрьской революции:

*«Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!».*

А Максимилианом Волошиным еще во время первой русской революции в 1906 году в стихотворении «Ангел мщенья» было предсказано: «И кровь за кровь рекою потечет ...».

И Илья Эренбург в 1915 году пишет в стихотворении «Пугачья кровь» о пророчице, якобы сделанном простой бабой после казни Пугачева:

*...Прорастут, прорастут твои рваные рученьки,
И покроется земля злаками горючими,
И начнет народ трясти и слабить,
И потонут детушки в темной хляби,*

.....

И станет тесно, как в лесу, от повешенных...

А весной 1917 года Велимир Хлебников в стихотворении «Народ поднял верховный жезел...» ощущает ужас от того, что «в каждом зипуне мерещится Дантон». Тогда же Марина Цветаева в достаточно резкой, чтобы не сказать грубой форме, пишет:

*Свершается страшная спевка,—
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!*

В том же 17 году в стихотворении «Предзнаменование» Николай Гумилев писал:

*Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.*

А Зинаида Гиппиус, в марте славившая февральскую революцию («Юный март»), в стихотворении «Гибель», написанном накануне октябрьского переворота, уже предрекала:

*Близки
Кровавые зрачки,
Дымящаяся пеной пасть...*

Недаром Н. А. Бердяев утверждал, что русская литература — самая пророческая (фр. *prophetique*, лат. *propheta* — прорицатель, пророк) в мире, «она полна предчувствий и предсказаний».

Так, еще в 1879 году, один из зачинателей русского символизма Н. М. Минский писал:

*...Дух мести и грозы. Через весь мой край родимый
Промчится бурно он, как разъяренный шквал,—
Застонет родина от боли нестерпимой.*

.....

*И жертвы кроткие отравой сладкой мести
Злорадно превратит в суровых палачей.
А кровь невинная...*

И Вячеслав Иванов как бы приносит общее покаяние от людей своего времени:

*...сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.*

Марк Дубинский
(г. Тула)

ОПЕРАЦИЯ «СКУНС»

Член Союза писателей России, полковник ФСБ в запасе, Олег Семенович Каширин выпустил книгу под упрощенно-будничным названием «КГБ как КГБ». В наше непростое время этой спецслужбе приписывают негативные качества, утверждая, что она якобы подавляла свободу личности, помогала правителям государства угнетать народ. На самом деле это не так. И патриоты России, наоборот, считали ее защитницей страны и государства, организацией, которая стояла на самом передовом рубеже охранной линии. Ну, да это так, к слову.

О чем же речь в повести? Олег Каширин в своем повествовании не мудрствует; он взял за основу небольшой отрезок времени из повседневной жизни чекистов, отрезок времени как будто бы ничем не примечательный. Но из нарисованной писателем картины читателю становится понятной непреложная истина: у спецслужб не бывает будней. Их служба всегда сопряжена с боеготовностью и риском, с необходимостью работать без сна и отдыха, в любое время суток, иногда и рискуя своим здоровьем и жизнью.

Разворачивается рассказ неторопливо, как бы нехотя. Сначала появляется сообщение о каких-то странностях. Оперативники настораживаются: что-то подозрительное, — надо проверить. И вот в процессе проверки одной, на первый взгляд незначительной детали, которая каким-то образом выделяется из повседневности, выясняются все новые и новые обстоятельства, которые уже не настораживают, а вызывают опасение.

Умело и скрупулезно автор показывает работу оперативных работников КГБ, следователей, руководителей, которые, развязывая клубочек, выходят, в конце концов, на одного из сотрудников секретного оборонного предприятия. Выясняется, что этот сотрудник завербован иностранной разведкой, что он, погоняемый своей алчностью, готов продать секреты своей Родины. Ко всему прочему он вдобавок и элементарный убийца, о котором никто и не подозревал. В результате умело спланированной оперативно-следственной операции был задержан и изобличен гражданин иностранной державы, которому шпион передал секретную информацию. Очень тонко, наглядно, убедительно Каширин показывает мерзкую, трусливую душонку преступника, который изошренно запутывал следы своей аморальной и грязной жизни и измены интересам государства. Однако же отвертеться, вывернуться ему не удалось. Прижатый неумолимыми фактами и доказательствами, которые, скрупулезно работая добыты следователем, он вынужден был сознаться во всех своих преступных делах. Вот так и работают наши спецслужбы в то самое время, когда мы, занимаясь своими делами, спим, едим, работаем, и ничего не подозреваем, ничего не замечаем.

Интересно, на мой взгляд, описал Каширин и работу офицеров во время учений по поимке «диверсантов», которые якобы проникли на территорию области. Здесь и подъем по тревоге, и передвижение в заданные районы, и взаимодействия с армей-

скими подразделениями, помощь населения, и расторопность, умелые действия личного состава.

Удачно и очень точно описал автор любовь, ревность, несчастья выведенного им любовного треугольника. Очень колоритно выглядит история с «пришествием» на нашу землю инопланетян. С действиями милиции, КГБ в связи с этим, который все-таки искал их, пытаясь проверить это сообщение, ибо проверять все необычное — их прямая обязанность.

Понравится читателю и такая деталь. Чтобы не рассказывать о событиях, которые происходили в то время в 1991 году в стране и за рубежом, Каширин перед началом глав, на которые разбита повесть, вставляет сообщения газет и радио последних новостей. Такая методика необычна, но очень действенна.

Хочется сказать еще вот о чем. Автор пишет: «Наверное, с хорошего отношения к животным начинаются и добрые дела человека. Любовь к животным у детей — залог будущего уважения к людям». Принять это утверждение я не могу. Фашистские главари все сплошь были сентиментальными любителями кошек и собак. Однако ими эта любовь не была перенесена на людей. Об их нечеловечности знает весь мир. А вот о Солженицыне в книге сказано верно и к месту. Это мне понравилось.

На мой взгляд, премия лауреата конкурса в области литературы и искусства ФСБ России, которой был отмечен Олег Каширин за свою повесть «КГБ как КГБ», им вполне заслужена. Книга — великолепно по всем показателям.

А заканчивает автор свою книгу такими словами: «Время показало, что без эффективно работающей спецслужбы, стоящей на защите интересов народов России, государство не состоится».

И это абсолютно верно!

Желаю автору как можно больше читателей, ибо книга того стоит.

Регина Орлова

(г. Плавск)

НИЧТО НА ЗЕМЛЕ НЕ СЛУЧАЙНО

(рецензия на книгу Леонида Ханбекова «Тульский энциклопедист» *)

Для того чтобы заглянуть в лицо к ним (Гёте и Байрону), для доступа к высотам их не помогут ни ползки, ни прыжки: тут надобны крылья... И крылья орла,— прибавил Грибоедов.— Солнечные лучи играют и в блеске, и в капле, но только масса воды может отразить целое солнце, только высокая душа может обнять полную мысль творца.

А. А. Бестужев-Марлинский
«Знакомство мое с Грибоедовым»

Прочитала книгу Леонида Ханбекова об Алексее Яшине «Тульский энциклопедист». И первые же строки подтвердили непреложную истину: «Ничто на свете не случайно». Думаю, практически каждый может применить к себе эти слова.

«Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие, которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаем ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находится рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу. Но как жаль, если случается это уже запоздало, а то и вовсе поздно, когда ни сил, ни здоровья, ни запаса лет вперед... Наша история оптимистичнее».

Читала дальше с удовольствием и упоением, ибо узнавала новые факты из биографии давнего наставника и хорошего друга, узнавала героев его произведений. Как бы ни старались литераторы «выдумывать», «сочинять», никакие «высасывания из пальца» не заменят реальной жизни, ибо она весьма и весьма непредсказуема. И прав был Булат Окуджава, говоря, что «из собственной судьбы я выдергивал по нитке». Вот эти нити собственной судьбы, вплетаясь в характеры персонажей, делают их живыми, близкими и понятными, при этом образуется полный очарования узор произведения.

Творческие натуры могут часами любоваться самым безыскусным, невзрачным на первый взгляд цветком, потому что умеют «видеть». Бажовский Данила раскрыл секрет этого умения: «Засмотрелся я маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней желтенько выглядывает, а листок ширококонький... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зеленая-презеленая, ровно ее сейчас выкрасили... А букашка-то и ползет...». Потому умный читатель не остается безучастным к метким фразам, точным характеристикам, необычным находкам. Лаконичность, четкость, но отнюдь не сухость изложения, умение анализировать и излагать вроде бы давным-давно известные факты с необыч-

* Ханбеков Л. В. «Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина». — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с. (Серия «Созвездие России»); см. также в Т. 4 Собрания сочинений Л. В. Ханбекова (М., «Московский Парнас», 2009).

ной стороны — все это присуще произведениям А. А. Яшина. Они, на мой неискушенный в рецензиях взгляд, похожи на раковины-жемчужницы: внешне просты и безыскусны, но таят в себе настоящее сокровище человеческого разума. Не все только хотят потрудиться, чтобы извлечь его на свет божий.

Вопрос прихода не только к научному творчеству, но и к литературному, увлекательно раскрывается Леонидом Ханбековым в живой беседе с героем его произведения. Почему сей вопрос интересует не только автора «Тульского энциклопедиста»? Вопрос поистине риторический, поскольку почти каждый человек примеряет на себя другие личины, пытаясь ответить, как другие «докатались до жизни такой», сравнивая себя и свои способности с чужими.

Вот и Леонид Ханбеков справедливо отмечает:

«История» Алексея Яшина куда богаче того, что преподается на кафедрах современных университетов и пединститутах, тесно ей и во многих академических фолиантах, поскольку кандидаты и доктора привычно молятся на труды своих учителей.

А он совершает дальние экскурсии в XVI—XVII века и по-своему анализирует становление российской государственности, бесконечные поползновения на гигантские православные просторы католической Европы, не чурается поразмышлять о сторонниках и противниках гомосексуализма в России, вчерашней и нынешней; о борьбе Сталина с поднимавшим головы троцкизмом во всех его проявлениях.

Ученый, он вспоминает тщательно замалчиваемый анализ работ Эйнштейна. Его шесть десятков лет назад опубликовал в Штатах Гедель, (автор теоремы о неполноте), в своих заметках о научной теории и идеалистической философии.

Я не большой знаток теории относительности, но мне были страшно интересны яшинские размышления об ее истинных отцах — Лоренце, Пуанкаре, Минковском, Давиде Гильберте...».

Вообще, Алексей Афанасьевич умеет находить в истории различные «изюминки» для любого читателя. Леонид Ханбеков, анализируя роман «Историк и его история», признает, что на отступления лирического свойства *«имеет полное право всякий романист. Это, в некотором роде даже и похвально, поскольку автор (или его герой) предстают перед читателем в этом случае куда более объемно и убедительно, демонстрируя свои пристрастия и привязанности, увлечения и круг общения».*

Сегует Ханбеков на необоснованность включения в текст романа определенных тем и весьма подробное изложение оных, но нелишне будет заметить, что у всякого автора есть свое видение произведения, своя логика развития событий, а читатель (и рецензент) волен соглашаться или не соглашаться с ними. Ибо, если внести такие «редакторские» правки, это было бы произведением другого человека.

Леонид Ханбеков в «лирических отступлениях» цитирует некоторые моменты переписки с героем своей книги, раскрывая в таких «мелочах», (а ведь наша жизнь и состоит из «мелочей»! Вспомните Аркадия Райкина: «Сто тысяч зрителей по одному рублю... Это будет, это будет ... Бешеные деньги!»), характер человек трудолюбивого, деятельного, в хорошем смысле слова «настырного» в достижении поставленной цели. Поэтесса Е. Николаевская говорила: «Просто некому больше, потому и несую». Вот и Алексей Яшин несет колоссальный груз различных забот, словно сторукий великан-гекатонхейр, успевая все: писать собственные художественные произведения, заниматься научной и административной работой, и новый журнал «Приокские зори» пестовать.

Кстати, о журнале. Может, в силу того, что я сама являюсь «пишущим» человеком, а специального литературного образования нет, стремлюсь учиться у коллег умению работы со словом. Вот почему я с интересом читаю рецензии на книги собратьев по перу. А в каждом номере журнала есть «информация к размышлению». Да

и Леонид Ханбеков пишет: «Ох, как понятна мне боль и обида пишущего, когда его труд остается незамеченным и падает, словно в пустоту!»

Беда с критикой. В пору сносного бытования «толстых» литературных журналов разделы критики и библиографии во многом были визитной карточкой издания. Журналы, стремясь выделиться и оперативностью, и тематической широтой, и «географией» прочитанного, и хорошей требовательностью, не делали скидок ни на столичность, ни на провинциализм. Нынче критические отделы во многом прекратили свое существование. Современных, так называемых «раскрученных» телевидением и ангажированных СМИ авторов, вроде Марининой, Устиновой, Донцовой, Улицкой, Славниковой, Лимонова, Пелевина, Перумова, Крусанова, даже Проханова, давно не интересует анализ творчества, глубокое прочтение и выявление каких-то художественных тенденций. Реклама — и только реклама».

Анализируя еще одно масштабное произведение А. Яшина «В час Волка», Леонид Ханбеков справедливо замечает: «Мы должны быть признательны историку за предостережение. Бацилла рвачества и накопительства, поразившая правящую верхушку страны, цинизм и демагогия, парализовавшие ее лучшие умы, могут дорого обойтись всему народу. Охотников обвинить писателя-историка в защите русской общинности, как несостоятельной панацеи от всех болезней, найдется и без меня. Если еще не нашлись, в силу достаточно скромного тиража книги. Ее огромный фактологический материал и выверенные политологические соображения хорошо бы иногда выносить на куда более широкую читательскую аудиторию, ведь у нас на современном телевидении, с его уже двумя десятками каналов, лишь на одном решительные антиамериканские, антинаатовские и антикальвинистские высказывания позволяют себе обозреватель Михаил Леонтьев. Завседатаи же всевозможных «круглых столов» у Владимира Познера и «дуэлянты» у Владимира Соловьева лишь наводят тень на плетень, когда заходит речь о ближайших угрозах современному шаткому после падения СССР мироустройству».

Третью часть книги «Час Волка» Леонид Ханбеков называет произведением по-настоящему художественным, оригинальным по сюжету, ярко самобытным по письму, актуальным до публицистической остроты и выхода на факты, даты, события, объясняющие самую суть того, как был потоплен «Титаник» под названием СССР. Можно принимать или не принимать точку зрения А. Яшина на события «катастрофы», но лично мне как-то не по себе, когда в СМИ начинают огульно критиковать сталинские, да и просто советские времена, восхваляя монархию. Были разные времена, но всегда были люди и ЛЮДИ, совершавшие ошибки и подвиги. Почему же теперь многие забывают о своем крестьянском происхождении, а ищут дворянские корни? Престиж? Мода? Приспособленчество? Советская власть дала возможность праправнукам крепостного, выменянного на собак, получить высшее образование (мне), стать полковником, профессором и академиком, защитить диссертацию (моему брату), стать полковником и защитить диссертацию (моему племяннику). А что ждало бы нас без Октябрьской революции, кем бы мы могли стать?

Название очередной книги А. Яшина «Живые шахматы» сразу наводит мысль о манипулировании людьми, о превращении их в марионеток. «В общении со вчерашним ведущим конструктором, деятельным и разносторонним человеком» Николаем Андреевичем высвечиваются очень интересные типажи. «Едва ли не через каждого из них, только не хлопай ушами, современник, вслушайся, вдумайся в то, что рассказывают они ему, зачастую alter ego автора, его эху, центру притяжения многих сюжетных веток и веточек, зеркалу типажей и характеров, — и ты откроешь для себя многие потаенные, скрытые от общественного взора, от внятного общественного истолкования вчерашних и нынешних властей... Думай, дорогой читатель, думай. В самом деле, все мы — живые шахматы. И порой нами двигает самый неле-

ный случай, порой сильная, гигантская натура, тот же Сталин, смешные с точки зрения истории, временивики, вроде шута горохового Хрущева, мелко мстящего поверженному льву, не устоявшего перед гидрой лести и чиновничества Брежнева, серенького и немогущего Черненко, пустопорожнего комбайнера на троне Горбачева, трусливого и вероломного Беспалого...»

Весьма поучительна концовка «Кожаной папки Мао Цзедуна», пророчество «великого кормчего»: «Сбылось пророчество Мао по всем статьям. Предали «союзники» своего спасителя от коричневой чумы по всем статьям. Эстония. Латвия. Польша. Чехия. Венгрия. Румыния. Украина. Молдавия...». Что тут можно еще добавить к словам Л. Ханбекова? Разве не прошла новая граница «суверенных» государств по сердцу каждого человека, разрушив мечты о светлом будущем? Только все же кому-то выгодно ловить рыбку в мутной воде и разыгрывать шахматные баталии с живыми людьми...

Продолжая анализировать дальнейшее творчество А. Яшина, Леонид Ханбеков характеризует так «Подводную лодку «Капитан Старосельцев»:

«Это на сегодня, с точки зрения единства формы и содержания, актуальности звучания и типичности изображенных персонажей — самое удачное произведение писателя.

Из чего я исхожу? Ну посудите сами.

Профессор Олег Васильевич Старосельцев — умница, талантище, разработками которого в медицинских высоких технологиях страна могла бы гордиться и зарабатывать на уступке прав сумасшедшие деньги, сравнимые с деньгами за газ и нефть, стоит часами в университетской сберкассе за скудным денежным довольствием, которое еще недавно на каждую кафедру получала загодя уполномоченная лаборантка. В пять минут, без всяких очередей, девушка отоваривала страждущих со-трудников! В пять минут!

Новые времена — новые песни. Старинную систему ликвидировали, ввели новую. В связи с заботой о людях ввели. Нехорошо, когда кто-то со стороны знает размер чужой зарплаты. Не жена, не муж, а чужой человек. Изменилась, мол, криминальная ситуация в стране. Надо быть осторожнее. Хотя ученые мужи вполне серьезно решают теперь иную задачу: как прожить очередной месяц на это жалкое пособие по безработице? Можно ли вручаемые им гроши назвать зарплатой?

Профессор решил заняться своим пропитанием самостоятельно. Он создал небольшое закрытое акционерное общество и в короткий срок стал подпольным миллионером. За счет чего? Как? С кем? А вот это и есть совершенно шикарная фабула произведения, которая позволила автору в полной мере раскрыть свои недюжинные способности сатирика и реалиста, философа и историка, краеведа и ученого аналитика».

Далее Л. Ханбеков делает интересное заключение: «Представляю, сколько будет несогласных с горьким выводом профессора Старосельцева: эпидемии, ниспосланные Вселенским разумом на человечество за его прегрешения, унесли больше человеческих жизней, нежели все пять тысяч войн, известных истории от первобытных времен. Проказа в раннем Средневековье — расплата за крестовые походы; чума — за невежество и феодальную вольницу; холера в XVIII—XIX веках — за колониальные войны; грипп-испанка — за первую мировую войну; эпидемия сифилиса — за свальный грех конца XIX — начала XX веков; вирусный СПИД — за наркоманию и противоестественный природе гомосексуализм...».

Да нет, на мой взгляд, несогласных будет не слишком много. Умные люди понимают, что все в мире закономерно и действие равно противодействию. Понимают, что «за все мы в жизни платим свою цену... А на расплату жизнь дана одна» (И. П.). Так что и Старосельцев, и Яшин, оставили свой след на земле.

И еще одна похвала Ханбекова своему герою: *«Я мало говорил о художественно-изобразительном мастерстве Алексея Яшина, об его язвительном, саркастическом стиле, порой плакатно обнаженном; о слоге, напоминающем в лучших своих образцах и Салтыкова-Щедрина, и Гоголя».*

Да, есть такой сарказм, есть такой слог, но это не злопыхательство, а нечто, подобное скальпелю хирурга, вскрывающему гнойники. И не просто Яшин режет по живому, не из прихоти, а с болью за человека и общество. И роман «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», по праву назван патриотическим, как и все творчество, литературное и научное, прекрасного «тульского энциклопедиста».

По прошествии ряда лет начинаешь оценивать людей по иным критериям, и, зачастую, ореол некоторых «личностей» заметно тускнеет, либо исчезает совсем. А в этом человеке выявляются все новые и новые неожиданные грани таланта. Посему, постараюсь показать «тульского энциклопедиста» с той стороны, что в книге Леонида Васильевича совсем не освещена. Итак, снова о роли личности в истории...

Будучи в довольно нежном возрасте, лет много «цать» тому назад, на одной из лекций, в тогда еще пединституте, по малоувлекательной для обычной девушки «электротехнике» познакомилась с новым преподавателем. (Что-что, а вдолбили нам накрепко весьма полезную вещь — учиться нужно всегда, причем, у кого угодно: у хорошего — как «надо» делать, у плохого — как «не надо»). Так вот, на лекциях у Алексея Афанасьевича я поняла, что даже самый нудный предмет можно сделать доступнее и интереснее за счет так называемых «лирических отступлений», (и сама их использую на уроках.).

Необычный лектор в «лирических отступлениях» рассказывал о вещах малознакомых тогдашним провинциалам, из которых «лепили» будущую «сельскую» интеллигенцию. И я поняла великую силу информации, важность становления разносторонней личности, начала, по примеру преподавателя, совмещать на первый мой взгляд, несовместимое: математику и поэзию.

Оказывается, что самые важные открытия в науке делаются именно на стыке дисциплин, именно эрудированность, энциклопедичность дает возможность человеку не пропасть в любой ситуации и практически всегда быть на высоте положения. (Например, мне приходилось, кроме «родных» математики и физики, преподавать химию и географию, астрономию и музыку, обслуживающий труд и историю искусств в школе, а также некоторые разделы военной психологии в школе прапорщиков). Что же говорить о разнообразии интересов нашего молодого лектора? Поистине, оставалось только завидовать широте и глубине его знаний.

В пору предчувствия любви и приобретения первых крох житейской мудрости, практически все молодые люди начинают «пописывать» стишки и песенки. И я не была исключением из общего правила, а, узнав, что наш обаятельный лектор закончил Литинститут, принесла ему заветную тетрадочку. И сейчас, много лет спустя, с высоты собственного опыта, удивляюсь: что там смог увидеть мой самый первый профессиональный критик? Наверное, лишь семечко. А вот вырастет из него что-либо путное, угадать было трудно. (С мужчинами проще прогнозировать, а тут явно по воде вилами писано, известное дело: «женская поэзия»!.. Но не о ней сейчас речь). Первый отзыв был достаточно положительным: есть над чем работать. Не было разгромной критики очевидных промахов начинающего «бумагомараки», поскольку Алексей Афанасьевич обладал уже к тому времени превосходными знаниями в психологии, особенно, психологии творчества, да и что греха таить, в женской. Мягко, деликатно, чувствуя неуверенность автора, подсказал, о чем следует попытаться писать, что для этого нужно сделать, какие книги почитать. То есть, как мы говорим в педагогике, была создана «ситуация успеха». И я начала работать, получая в интереснейших письмах ценные советы, сделанные с великим тактом. Именно Алексей

Афанасьевич дал мне путевку в литературную жизнь, и не его вина, что от этой первой его устной рецензии до моего первого сборника стихов прошло немало лет — труден путь женщины к творчеству. Зато потом именно поэзия помогла выстоять в тяжелые моменты жизни, самовыразиться, самоутвердиться. И всегда Алексей Афанасьевич ненавязчиво, между строк, приучал меня к хорошей, добротной литературе. Его произведения, его письма помогали прямо или косвенно идти к новым вершинам, не останавливаясь на достигнутом. Он, возможно интуитивно, смог разгадать мой характер, и каждый раз бросал вызов: сумею я справиться с тем-то и тем-то? И, волей-неволей, приходилось «поднимать перчатку», снова и снова доказывая, что у поэзии есть женское лицо.

Вот так, в далекие восьмидесятые годы проявился не только талант ученого, лектора, но и прекрасного, умного ПЕДАГОГА.

Возвращаясь к теме лирических отступлений, целиком и полностью согласна с характеристикой подписей к старинным офортам и гравюрам, служащими иллюстрациями ко многим произведениям А. Яшина, сделанной Леонидом Ханбековым: «...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века, из «Нивы» и «Отечественных записок», сопроводив их своими подписями. Каждая из подписей — настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микроочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другого — дает хорошо оценимые дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлей не было». Каюсь, читала сначала именно эти мини-рассказы, восхищаясь ими за талантливую краткость и емкость, а потом уже все остальное.

Вместо заключения Леонид Ханбеков пишет: «Жизнь и творчество Алексея Яшина, пришедшего в литературу зрелым человеком, когда в науке и изобретательстве он уже состоялся, в настоящее время — пример истинного подвижничества.

В мире, в котором деньги, богатство, комфорт, телесные удовольствия объявлены самоцелью, когда духовная высота, бессеребренничество, самопожертвование, служение благу Отечества не только ни во что не ставятся, не замечаются, но еще оплеваются бесконечной клоунадой и бессмысленными шоу телевизионного монстра, когда откровенное предательство интересов Родины оплачивается высокими гонорарами и даже должностными портфелями, он поднимает упавшее знамя духовности, престиж знания, истины, справедливости, раскрывая глаза тем, кто юн, и тем, кто сбит с толку лжеучеными и лжеучителями на многие факты и явления истории нашего многострадального Отечества, которое наш национальный гений, помните? — не хотел бы променять ни на какое другое».

А я в свою очередь позволю себе сформулировать в виде теоремы одно из высказываний Алексея Афанасьевича: «Профессора, как и поэты, на пенсию не выходят, живут долго, потому что живут интересно. Верно и обратное: поскольку профессора и поэты живут интересно, на пенсию не выходят, то живут долго». Долгой, интересной и насыщенной вам жизни, дорогой Алексей Афанасьевич!

Спасибо Леониду Васильевичу Ханбекову за замечательную книгу!

